

Утреннее заседание.

Пэй Цзи откровенно скучала, пока чиновники вокруг монотонно бубнили о чем-то совершенно неважном. Речь шла о каких-то пустяках: то о состоянии правопорядка в отдаленных регионах, то о назначениях на мелкие должности.

Она украдкой скосила глаза в сторону. Большинство сановников, казалось, почтительно опустили головы, вслушиваясь в доклад, но на самом деле их глаза были плотно закрыты, и они давно витали где-то в иных мирах.

— Ваше Величество, у меня есть прошение, — голос, чистый и звонкий, как горный ручей, прорезал унылый гул голосов.

Пэй Цзи вмиг пришла в себя и обернулась. Она увидела знакомый силуэт. Сы Цзинчжоу недавно повысили с шестого на четвертый ранг, и его чиновничье облачение сменилось с темно-зеленого на ярко-красное. Сегодня он надел его впервые, и этот насыщенный цвет как нельзя лучше смягчал холодную суровость его лица, добавляя во взгляд едва уловимую теплоту, отчего он выглядел невероятно притягательно.

Пэй Цзи моргнула, подумав про себя, что довести его до белого каления было бы весьма забавно. Да, она признавала, что натура у нее была далеко не ангельская.

Лю Цзюй поднял взгляд и произнес:

— Говорите, господин Сы.

— Я хочу подать жалобу на Главу Секретариата, господина Пэй Цзи, за его распушенность, разврат и чрезмерное увлечение женщинами, — Сы Цзинчжоу излагал свои мысли четко и уверенно. — Ваше Величество, процветание государства зиждется на мудрых талантах, а посещение борделей и погоня за плотскими утехами лишь потакают порокам. Человек, погрязший в распутстве, неизбежно забывает о государственном управлении, теряет устремления и волю к развитию. Посему, я смею полагать, что чиновники должны быть примером для народа, проявлять строгость к себе, хранить целомудрие и не предаваться излишествам. Только так можно сохранить чистоту власти и долгосрочный мир в стране. Таково мое скромное предложение, и я прошу Ваше Величество рассмотреть его.

После этой длинной речи даже те чиновники, что до этого дремали, уставились на нее. Пэй Цзи поняла: это был прямой выпад, обвинение в распутстве и требование взять себя в руки. Только Сы Цзинчжоу хватало смелости открыто отчитывать ее в присутствии всех.

Лю Цзюй, сидя на троне, лениво скользнул взглядом по Пэй Цзи. Ничего крамольного в этом не было. Собственно, он и держал Пэй Цзи на этой должности именно потому, что она не стремилась к великим свершениям. А то, чего доброго, еще замахнулась бы на его место.

Лю Цзюй усмехнулся:

— Слова господина Сы весьма справедливы. Всем вам следует помнить об этом, проявлять

сознательность и не потакать своим слабостям.

Вопрос был закрыт без лишних последствий. В конце концов, не все же такие равнодушные к женщинам, как Сы Цзинчжоу. Призвать их к порядку? Запретить им наслаждения? Оставьте это. Если они действительно начнут ограничивать себя, то очень скоро доберутся с претензиями и до самого Лю Цзюя. Конечно, Сы Цзинчжоу и не рассчитывал, что император всерьез запретит чиновникам посещать бордели. Он просто хотел... прилюдно отчитать Пэй Цзи.

После окончания заседания Пэй Цзи в несколько шагов догнала Сы Цзинчжоу.

— Господин Сы, вы специально сочинили этот доклад, чтобы меня отчитать? Я тронута.

Окружающие, заметив, что Пэй Цзи направилась к нему, поспешно отошли подальше, глядя на Сы Цзинчжоу с явной жалостью. В этом мире быть красивой женщиной — значит постоянно быть под прицелом, но быть красивым мужчиной... это тоже не сулит покоя.

— Господин Пэй, вы слишком много на себя берете, — холодно ответил Сы Цзинчжоу.

— Ну как же, вы сегодня в красном, специально написали доклад обо мне — если это не признание в чувствах, то что? Господин Сы, вы все-таки ко мне неравнодушны.

— Замолчите! — лицо Сы Цзинчжоу почернело от гнева. Но Пэй Цзи явно не собиралась отступать:

— Ну чего вы вечно злитесь? Только слово скажешь — уже в ярости. У вас такой скверный характер, что терпеть его могу только я.

— ...Не желаю с вами разговаривать, — Сы Цзинчжоу отвернулся, всем своим видом выражая крайнее недовольство.

Со стороны это выглядело как настоящий гнев, но Пэй Цзи, будучи человеком со странностями, нашла это лишь милым. Она уже хотела добавить что-то еще, как дорогу ей преградил евнух — это был Фуцюань, личный слуга императора.

— Господин Пэй, Его Величество желает вас видеть.

Пэй Цзи натянуто улыбнулась. С тех пор как она стала Главой Секретариата, Лю Цзюй постоянно вызывал ее — то побеседовать, то спросить совета, но, по сути, он просто боялся, что, занимая столь высокий пост, она начнет питать опасные амбиции. Ведь для Лю Цзюя она была лишь марионеткой, которая должна беспрекословно исполнять его волю.

Вздохнув, Пэй Цзи последовала за евнухом.

Вдалеке Сы Цзинчжоу, заметив, что Пэй Цзи не идет следом, обернулся и увидел, что ее увел Фуцюань. Словно получив помилование, он быстрым шагом направился к своей карете.

— Господин, — Линьфэн приподнял полог, приглашая его внутрь.

Перед тем как сесть, Сы Цзинчжоу бросил взгляд на карету Пэй Цзи. Кучер, сидевший там, был на редкость хорош собой. Сы Цзинчжоу вспомнил его — это был телохранитель Пэй Цзи, кажется, его звали Доубао. За последние годы парень заметно возмужал. Сы Цзинчжоу нахмурился. Телохранитель? Кто в здравом уме нанимает телохранителя с такой внешностью? У него возникло какое-то неприятное чувство в груди, и он раздраженно бросил:

— ...Поехали, Линьфэн.

С глаз долой — из сердца вон.

Тем временем Пэй Цзи шла за евнухом по запутанным переходам дворца и наконец увидела Лю Цзюя в беседке императорского сада. Беседка была закрыта от ветра занавесями, лишь с одной стороны открывался вид на сад. Подойдя ближе, Пэй Цзи заметила рядом с императором странного старика, которого до этого скрывала ткань.

Пэй Цзи присмотрелась. Старик был заросшим, с белесыми глазами, которые, казалось, ничего не видели и бездумно смотрели в одну точку. Пэй Цзи не знала его, но почему-то он показался ей смутно знакомым.

— А, вот и вы, господин Пэй.

Лю Цзюй, полулежа на кушетке, поднял на нее взгляд и проглотил красную пилюлю, запив ее чаем. Пэй Цзи нахмурилась. Ходили слухи, что во время недавней тайной поездки император познакомился с неким отшельником, знатоком секретов долголетия. Лю Цзюй трижды посылал за ним, прежде чем тот согласился приехать. Пэй Цзи взглянула на багровые пилюли, потом на старика. Она немного разбиралась в медицине и с первого взгляда поняла: это не то, что может принимать обычный человек. Это не лекарство, а яд.

Пэй Цзи не собиралась вмешиваться. Если Лю Цзюй угробит свое здоровье — что ж, она будет только рада.

— Ваше Величество.

— Пэй Цзи, вы понимаете меня лучше всех.

Ну конечно, понимает. Опять она должна подкинуть ему какую-нибудь пакость.

Лю Цзюй усмехнулся:

— Скоро день зимнего солнцестояния. Я размышлял о том, что последние два года страна

страдает от бедствий, народ обнищал, и потому я хочу устроить грандиозный пир, чтобы утешить подданных. Но угадайте, что? Эти упрямцы из Министерства финансов твердят, что казна пуста. Как, по-вашему, мне поступить?

Пэй Цзи едва заметно улыбнулась. Подумала: Как поступить? Откуда мне знать, как тебе поступить, если ты, великий правитель, зная о нищете народа, жаждешь пиров? Два года подряд — то снежные бури на севере, то наводнения и тайфуны на юге. На помощь пострадавшим ушли огромные средства, а чтобы хоть как-то облегчить жизнь людям и прослыть милосердным, налоги на ткани были отменены. Казна опустела настолько, что там разве что мыши могли бегать. И в таком жалком положении он еще хочет пир? Просто пускает пыль в глаза.

Конечно, Пэй Цзи знала, что Лю Цзюй позвал ее, чтобы она поддакнула его безумной идее. Немного подумав, она сразу поняла: он хочет поднять налоги. Как верный пес, Пэй Цзи покорно закивала:

— Ваше Величество, вы — ставленник Небес, а народ — ваши подданные. Пустая казна — это беда для всех. Однако, если каждый житель возьмет на себя небольшое бремя, если умеренно повысит налоги, казна наполнится. Тогда двор сможет содержать армию, строить дамбы, и в конечном итоге народ лишь выиграет. Уверена, если разъяснить ситуацию, люди поймут и молча согласятся разделить заботы государства.

— Прекрасно! — Лю Цзюй хлопнул в ладоши и расхохотался. — Ну, а... как вы считаете, насколько стоит поднять налоги?

Пэй Цзи не понимала, почему императоры вечно ведут себя так лицемерно — вроде бы все уже решили сами, но непременно хотят, чтобы кто-то другой озвучил их решение. Пэй Цзи поразмыслила и осторожно предложила:

— Ваше Величество, полагаю, можно возобновить сбор податей тканями в северных и южных землях: по два чжана шелка с каждого взрослого мужчины в год, а в центральных регионах повысить налог на зерно до двух ши и двух доу.

Лю Цзюй задумчиво помолчал, а затем медленно произнес:

— Я думаю, можно довести до двух ши и четырех доу. Что касается севера и юга — пусть будет по-вашему, но через год и там повысим до двух ши и четырех доу. Однако... — он сменил тон, — повышение налогов касается жизни людей, другие чиновники наверняка будут яростно возражать. Что вы думаете по этому поводу?

Так вот в чем была настоящая цель. Пэй Цзи улыбнулась и откровенно ответила:

— Это, разумеется...

— Воля Небес.

Выйдя из дворца, Пэй Цзи специально заглянула в Секретариат — не для работы, а чтобы вытащить оттуда Сы Лухэ.

— Эй! Ты что творишь?! — Сы Лухэ не решался говорить громко, боясь, что их уличат в безделье.

Пэй Цзи, не отпуская его, потащила за собой:

— Ты же говорил, что я не угощала тебя обедом после повышения? Пойдем, я свожу тебя в «Облачный журавль».

— Ты с ума сошла? Кто обедает в такое время? Да и... ты же меня подставляешь! Тебе-то что, император тебя обожает, а если меня поймают, это отразится на моей аттестации! — возмущался Сы Лухэ. — Не губи мою карьеру, я намерен получить высшую оценку!

Пэй Цзи лишь хмыкнула. Она знала его столько лет, чего тут еще скрывать?

— Я сказала им, что император поручил мне дело, и я беру тебя с собой. Если не хочешь — как знаешь.

Лицо Сы Лухэ мгновенно изменилось, он выпрямился:

— Хочу, конечно, хочу. Дела императора — прежде всего.

В итоге двое «занятых важным делом» чиновников сидели в отдельном кабинете ресторана «Облачный журавль».

— Почему ты сегодня такая щедрая? — подозрительно спросил Сы Лухэ.

Они вместе начинали службу пять лет назад, и за эти годы он усвоил: даже если Пэй Цзи будет купаться в золоте, она угостит его разве что леденцом на палочке с уличного лотка.

Пэй Цзи промолчала, глядя в окно на уличных торговцев и снующих туда-сюда прохожих. Вдруг ее взгляд встретился с глазами маленького мальчика. Тот указывал на ресторан с таким восторгом, что Пэй Цзи на мгновение вспомнила, как когда-то сама так же мечтала попасть сюда. Стала ли она счастливее, оказавшись здесь? Неизвестно. Но определенно забавно.

Сы Лухэ, увидев ее выражение лица, решил, что она столкнулась с какой-то бедой, и замолчал. Лишь когда на столе появилась еда, Пэй Цзи наконец отвела взгляд и тихо произнесла:

— Я просто... не хочу идти на службу.

— ...Ты и правда ненормальная!

Сы Лухэ разозлился, решив, что зря пытался ее утешить, и от злости заказал еще несколько блюд — акульи плавники и ласточкины гнезда.

— Не надо, я же шучу, — засуетилась Пэй Цзи.

Но Сы Лухэ в отместку заказал еще и медвежью лапу.

Пэй Цзи схватилась за сердце:

— Ну что ты такой мелочный? Прямо как Сы Цзинчжоу. Смотрю на вас — и правда, характеры у вас подозрительно похожи.

— Перестань вечно поминать А-Цзина. Кстати, ты уже не маленькая, скоро двадцать три, почему до сих пор не вышла замуж? Неужели ты и правда положила глаз на моего А-Цзина?

— А ты сам-то? Ты меня на год старше, а тоже не женат.

Сы Лухэ на мгновение замолчал:

— Ты знаешь мою историю.

Пэй Цзи, конечно, знала. В девятнадцать лет у Сы Лухэ была невеста, они подходили друг другу и были счастливы, но счастье длилось недолго: перед самой свадьбой девушка заболела и скончалась. Сы Лухэ так и не смог оправиться от этой раны.

— Но ты ведь должен двигаться дальше, разве нет? — Пэй Цзи помешивала ложкой суп, глядя на него с полуулыбкой.

Сы Лухэ промолчал. Ему казалось, что это как раз Пэй Цзи больше всех в этом мире закована в кандалы.

Тянь Чуи был молодым парнем, приехавшим в столицу в поисках работы. Его родные края на юге затопило, и в надежде на лучшую жизнь он покинул дом и несколько месяцев добирался до столицы. В первый же день он был ошеломлен столичной роскошью.

— Ох... матушка моя...

Дома! Улицы! Толпы торговцев! Изобилие товаров! Он чувствовал, как жизнь наполняется надеждой, и, едва бросив вещи, бросился искать работу. И надо же, предки были к нему милостивы — он сразу же получил место в Далисы.

Сегодня был его первый день на службе.

— Ты, да ты, новичок. Просто разноси еду по камерам. Вот обед, — чиновник указал на два вида подносов: один был донельзя скромным, другой — невероятно роскошным. — Этот, — он ткнул в богатый поднос, — отнеси в четыре камеры в самом конце. И смотри, веди себя почтительно. Остальным разнеси то, что попроще.

Работа была несложной, и Тянь Чуи, взяв роскошный поднос, направился в тюрьму Далисы. Он впервые оказался в застенках: здесь было темно, сыро, веяло могильным холодом, а в воздухе висел едва уловимый запах крови. Тянь Чуи испугался, ускорил шаг, решив начать раздачу с

самой дальней камеры.

— Господин, обед, — мягко позвал он, но человек внутри не шелохнулся.

— Господин, обед, — Тянь Чуи повысил голос, но тот снова не ответил.

— Господин! — Тянь Чуи крикнул громче, человек дернулся, но... он действительно не шелохнулся.

— Мертвец... там мертвец!!!

<http://bllate.org/book/19166/1881868>